

Д. Ф. КРАМИНОВ

В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939–1945 годы

<Фрагмент>

<...>

Нам казалось странным, что главнокомандующий союзными экспедиционными силами, договорившись с немецко-фашистскими оккупантами о «перемирии», запретил пехотинцам 4-й американской дивизии и танкистам 2-й французской дивизии вести военные действия в Париже в то время, когда французские формирования германской армии громили силы Сопротивления Франции, освободившие столицу. Нас особенно удивляла роль 2-й французской танковой дивизии, высаженной в Нормандии 1 августа, когда танки 3-й американской армии уже вырвались с нормандского плацдарма на просторы Франции. В начале августа мы встретились в Авранше и разговаривали с французскими офицерами-танкистами, жаждавшими сражаться с гитлеровцами и их французскими наемниками. Дивизию, однако, не ввели в дело ни в Бретани, ни в боях у Аржентана, что помогло бы закрыть «фалезский котел», а поспешно двинули к Парижу, как только стало известно, что в столице началось восстание против немецких оккупантов и их французских пособников — коллаборационистов. Войдя в Париж, дивизия сразу же после капитуляции германского гарнизона окружила и заняла военное министерство, за несколько дней до того отнятое у гитлеровцев партизанами. Когда мы направились туда, нас остановили танкисты.

— Сюда нельзя! — сказал начальник караула, вызванный постовым. — Генерал приказал никого не пускать.

— Но генерал Леклерк (командир дивизии) сам приглашал нас навестить его, когда мы будем в Париже.

— Я имел в виду генерала де Голля, — пояснил офицер. — Он приказал не пускать никого.

— А разве он уже в Париже?

Неожиданное появление де Голля в Париже удивило нас. Командование союзников не пускало генерала во Францию. Ему было разрешено на короткое время посетить Нормандию — к концу второй недели боев, после того как там уже побывал Черчилль. Де Голль не мог прибыть в Париж без согласия союзников, и их решение позволить ему вернуться в только что освобожденную столицу Франции было загадочным и необъяснимым.

В тот же день де Голль, поселившийся в военном министерстве, отправился к Триумфальной арке, чтобы, как это делали все французские президенты, возложить венок на могилу Неизвестного солдата. Сопровождаемый военной свитой, он обошел почетный караул, в котором стояли танкисты той же дивизии, и пожал руки офицерам. Затем, сев в военную машину, он в сопровождении Леклерка и его офицеров проехал по Елисейским полям, направляясь в собор Парижской Богоматери, где был устроен молебен по случаю освобождения столицы от чужеземного ига.

В самый разгар молебна в соборе, куда мы поспешили за генералом и его свитой, поднялась пальба. Несколько фашистских ставленников Дарнана, пробравшись на хоры, начали стрелять по алтарю, перед которым в окружении офицеров и руководителей Национального совета Сопротивления стоял де Голль. Бойцы Сопротивления с красными повязками «ФФИ» на рукавах ответили автоматными очередями, целясь вверх, где на хорах прятались дарлановцы. Парижанки и парижане, заполнившие собор, хлынули в обе стороны, пытаясь укрыться от пуль за мраморными колоннами, стоявшими вдоль стен. Те, кто не успел убежать, либо спрятались за высокими деревянными скамьями, либо подняли над головой легкие венские стулья. Генерал, возвышавшийся над своим окружением на две головы, не позволил прервать молебен. Бледный, с крупными каплями пота на морщинистом лбу, он окаменело стоял, глядя прямо перед собой, будто не слышал осатанелой стрельбы за своей спиной.

Невольно превратившись из военных в политических корреспондентов, мы внимательно наблюдали за происходившим в те дни в Париже, понимая, что первые дни свободы определяют судьбу Франции, по крайней мере, на ближайшее будущее.

Наибольший интерес вызывал у нас генерал де Голль — фигура своеобразная и сложная. Патриот, поставивший величие Франции превыше всего и поэтому начавший борьбу за ее освобождение, он боялся народа, особенно рабочего класса, прогрессивных сил страны, угрожавших господствующему положению французской правящей верхушки, хотя эта верхушка своим сотрудничеством с Гитлером подготовила поражение Франции. Еще в Лондоне, освещая для советской печати деятельность союзных правительств, нашедших убежище в Англии, я не раз встречался с видными представителями Свободной, или, позднее, Сражающейся, Франции, как называли себя французские патриоты, решившие продолжать борьбу против гитлеровской Германии, и присутствовал на пресс-конференциях, где иногда выступал де Голль. Сдержанный и малообщительный, он избегал личных бесед с журналистами, сделав исключение лишь для советских корреспондентов. Непомерно высокий, длинноногий, с заостренной кверху и сильно полысевшей головой, которую он время от времени скидывал, словно бы вглядываясь куда-то вдаль, генерал производил впечатление очень неуклюжего человека. Правда, лицо де Голля совершенно преображалось, когда он улыбался, что было редко, но если хотел, он мог очаровать собеседника. В первую нашу встречу он расположил меня к себе добрыми словами о нашей армии — это было вскоре после освобождения Киева. Затем почти каждый раз он заставлял меня улыбаться, произнося неизменное: «А, старый знакомый... Как поживаете?» Нам и французам в Лондоне в те времена было легко находить общий язык: мы хотели одного и того же — скорейшего открытия второго фронта в Западной Европе. Приближенные генерала в личных разговорах намекали, будто бы Черчилль невзлюбил де Голля именно за это.

В Лондоне действительно не любили строптивого генерала, и это было известно на Флит-стрит — улице газет — почти каждому. Журналисты передавали из уст в уста анекдоты, показывающие отношение Черчилля к де Голлю. Жалуясь на трудности которые будто бы создает де Голль, Черчилль со вздохом говорил, что из всех крестов, которые ему приходится нести, «самым тяжким является лотарингский» — крест, выбранный де Голлем как символ Свободной Франции. Черчилль же пустил в обращение фразу: «Де Голль (провозгласивший неизбежность возрождения величия Франции) твердо обосновался... в облаках».

Сдержанность и достоинство, с какими де Голль проходил мимо этих уколов, вызывали восхищение у всех, кто сочувствовал ему в то тяжелое время. Сочувствуя генералу и интересуясь им, я уже в Лондоне знал от близких к нему французов, что Шарль Андре Мари де Голль, родившийся в 1890 году в обедневшей дворянской семье, рано избрал военную карьеру и приступил к службе под началом полковника, а затем генерала Анри Филиппа Петэна. Под его командованием он вступил в первую мировую войну, во время которой был трижды ранен, попал в германский плен и пять раз пытался бежать: де Голля выдавал его высокий рост. Между первой и второй мировыми войнами де Голль преподавал в «Сен-Сире» историю, был адъютантом маршала Петэна. Занявшись военной теорией, он написал две книги: «На острие шпаги» и «Армия будущего», в которых, анализируя историю войн и оружия, доказывал, что в будущей войне решающую роль сыграют механизированные армии, сочетающие мобильность с большой огневой мощью и способные быстро наступать и наносить сокрушительные удары. Это противоречило взглядам Петэна, по настоянию которого создавалась «неприступная оборонительная линия» Мажино.

Поражение французской армии в 1940 году помогло де Голлю сделать быструю военную карьеру. Начав войну в чине полковника, он спустя пять дней стал генералом, а через месяц — заместителем военного министра. Но правящая верхушка Франции, выдавшая Гитлеру Чехословакию и предавшая свою союзницу Польшу, призвала к власти маршала-изменника Петэна, капитулировавшего перед Гитлером. Де Голль улетел в Лондон и 18 июня 1940 года обратился по радио с призывом ко всем французам за пределами Франции продолжать сопротивление. С этого дня вокруг него стали собираться все, кто хотел бороться за свободную и независимую Францию.

Разные по своему происхождению, склонностям и убеждениям люди, окружавшие де Голля в Лондоне, в разговорах с нами по-разному оценивали генерала. Одни считали его истинным руководителем, лидером, вождем, самой судьбой призванным вести людей, указывать им путь, повелевать ими. Другие видели в нем самовлюбленного автократа, почти самодержца, презирающего не только «толпу», о чем он говорил откровенно и неоднократно, но и народ, который, по его убеждению, лишь тогда способен на что-либо, когда его направляют люди, обладающие сильным

характером, выдающиеся одиночки, умеющие навязать «толпе» свою волю. Всем нравились его смелость и непокорность в отношениях с англичанами, его преданность Франции. Имя де Голля стало символом ее свободолюбия и готовности бороться.

В те первые дни в освобожденном Париже, когда де Голль вдруг стал главной фигурой, приковавшей к себе внимание корреспондентов, я, оказываясь в связи с тем или иным случаем рядом с генералом, наблюдал за ним с особым интересом. Хотя мне казалось, что он узнал меня и в английской военной форме, он ни разу не улыбнулся и не сказал, как, бывало, в Лондоне: «А, старый знакомый...»

Впрочем, ему тогда было не до корреспондентов. В течение последних лет де Голлю приходилось отстаивать свое положение руководителя свободных французов перед союзниками, которые искали других, более податливых людей, другую, нужную им опору. Сначала американцы готовы были опереться на адмирала Дарлана, которого они поставили во главе французской администрации в Северной Африке. После его убийства в рождественскую ночь 1942 года они стали выдвигать бежавшего из германского плена генерала Жиро. Наряду с де Голлем его сделали сопредседателем или сопрезидентом французского комитета национального освобождения, созданного в начале июня 1943 года. Комитет состоял сперва из четырех генералов — Жиро, де Голля, Катру и Жоржа — и трех штатских — Массильи, Моннэ, Филипа. Не прошло и нескольких дней, как он был значительно расширен — до тринадцати человек, главным образом за счет людей, названных де Голлем. Через две недели был создан постоянный военный комитет, и генерала Жиро назначили командующим всеми французскими силами в Северной и Западной Африке. Полтора месяца спустя ему были подчинены все французские вооруженные силы, но с условием, что, пока Жиро занимается военными делами, он не будет тратить свое драгоценное время на заседания в комитете, рассматривающем гражданские дела. Через два месяца нашли целесообразным освободить главнокомандующего от всех дел в комитете, хотя он все еще считался его сопредседателем. При новой реорганизации Жиро оказался за пределами комитета. В ноябре 1943 года де Голль стал единственным председателем комитета, а в начале июня 1944 года — еще до высадки союзников в Нормандии — главой временного правительства республики.

Но в Париже де Голль встретился с Национальным советом Сопротивления, который возглавлял всю внутреннюю борьбу против гитлеровских оккупантов и располагал реальной военной силой. Партизанские части — маки — насчитывали в мае 1944 года сто семьдесят пять тысяч человек. Они были достаточно сильны, чтобы временами бросать вызов даже регулярным частям германской армии. Они освободили Париж и ряд других крупных городов и районов Франции, установив там свою власть.

То была внушительная сила, и де Голль учел это: танковая дивизия Леклерка, переправленная во Францию, была послана в Париж и стала военной опорой генерала, охраняла военное министерство, где он обосновался.

<...>

